

МИХАИЛ
ЗАХАРЧУК

ВЯЧЕСЛАВ
ТИХОНОВ

ТОТ, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ!

Великие актеры театра и кино

Михаил Захарчук

**Вячеслав Тихонов.
Тот, который остался!**

«ЭКСМО»

2019

УДК 791.635:929 Тихонов В.
ББК 85.374(2)6-8 Тихонов В.

Захарчук М. А.

Вячеслав Тихонов. Тот, который остался! / М. А. Захарчук —
«Эксмо», 2019 — (Великие актеры театра и кино)

ISBN 978-5-04-101673-9

В этой незаурядной биографии впервые представлен групповой портрет всех тех замечательных людей, которые повлияли на становление Вячеслава Васильевича Тихонова как актера, гражданина, мудрого и доброго товарища и друга. Да, тот самый Штирлиц, бесстрашный обладатель стальных нервов и нечеловеческой выдержки, в жизни, оказывается, был довольно застенчивым, неразговорчивым и замкнутым человеком с очень ранимой душой. Его первой возлюбленной была Юлия, с которой Вячеслав учился в школе. Всем нравилась эта пара, родители прочили им счастливое семейное будущее. Но не сложилось. После того как Тихонов уехал учиться в Москву, их отношения закончились. Ведь там, в институте, за него серьезно взялась студентка Нонна Мордюкова. Но история этой семьи, словно смертельной стрелой, была пронизана тяжелейшей трагедией... «Штирлиц, а вас я попрошу остаться...» И он остался. На многие годы. В сердцах и доброй памяти миллионов телезрителей и любителей театра.

УДК 791.635:929 Тихонов В.
ББК 85.374(2)6-8 Тихонов В.

ISBN 978-5-04-101673-9

© Захарчук М. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Историческая встреча	6
Вместо предисловия	6
Родом из Павловского Посада	11
ВГИК: грёзы и проза. Наставники	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Захарчук
Вячеслав Тихонов
Тот, который остался!

Серия «Великие актеры театра и кино»

© Захарчук М. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Историческая встреча

Вместо предисловия

Вячеслав Васильевич Тихонов был народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, кавалером пяти высших государственных орденов и четырех медалей. Он становился лауреатом Ленинской премии за художественный фильм «Белый Бим Черное ухо»; Государственной премии СССР за художественный фильм «Доживем до понедельника»; Государственной премии имени братьев Васильевых за многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны»; премии Ленинского комсомола за исполнение роли майора Млынского в фильмах «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта»; премии II Международного кинофестиваля славянских и православных народов «Золотой Витязь» за выдающийся вклад в славянский кинематограф; премии «Кумир» за высокое служение искусству; кинопремии «Ника» «Честь и достоинство».

Впрочем, для меня, военного журналиста, Тихонов всегда представлял профессиональный и человеческий интерес отнюдь не своими титулами да высокими наградами. Куда ценнее и важнее являлось то, что из семи десятков образов, созданных им в кино, львиную долю составляли люди военные. Он играл солдат, матросов, русских и советских офицеров. На его счету рядовой, курсант, матрос-торпедист и анархист, мичман, три лейтенанта, четыре капитана, пять майоров, четыре полковника, генерал. Ну как о таком актере не написать, тем более если ты работаешь в главной военной газете Советского Союза «Красная звезда».

А вот никак не получалось. Я потратил немало сил и энергии на то, чтобы встретиться и поговорить с Тихоновым, однако он под различными предлогами отказывался давать интервью для военной печати, с некоторых пор вообще стал избегать нашего брата журналиста. Попробовал я заручиться поддержкой его бывшей жены Нонны Викторовны Мордюковой, с которой находился в великолепных отношениях, о чем еще будет сказано. Так она даже слушать меня не стала.

«Чтобы я ему позвонила? Да ни в жизнь! За тринадцать лет нашей совместной жизни он ни разу ко мне в больницу не приехал, самочувствием моим не поинтересовался. Хилого цветочка никогда не подарил. А к ней (Тамара Ивановна, вторая жена. – М. З.) и ездил, и дарил. Мама моя часто повторяла: не будет у тебя, дочка, счастья с мужем, которого ты старше (на три года. – М. З.). Конечно, это все ерунда. Вся беда в том, что мы с ним душевными волнами не совпадали».

Что правда, то правда. Тихонов слыл чрезвычайно сложным, неординарным человеком в жизни и в творчестве. Совпасть с амплитудой его душевных колебаний было дано не каждому.

В том, что это именно так, я убедился, как говорится, воочию. Где-то в начале лихих ельцинских лет мой сослуживец по газете «На страже» Бакинского округа ПВО полковник Виталий Пименов ушел в отставку. Его сразу взял к себе заместителем Юлий Гусман, бывший на ту пору директором Дома кинематографистов. Благодаря поистине героическим усилиям этих моих приятелей встреча с Тихоновым все-таки состоялась.

Для начала я деликатно поинтересовался, почему он так категорично не желает общаться с прессой, и услышал в ответ, что все уже говорено. Ничего нового он сказать не в состоянии, а толочь воду в ступе полагает для себя даже несколько унижительным.

– Завтра на вашем месте будет сидеть другой журналист и задавать все те же однотипные вопросы. А я не хочу делать вид, что мне они интересны.

– Но вот мне и моим военным читателям очень хотелось бы узнать, что называется, из первых уст, почему народу так понравился ваш Штирлиц, в чем причина его устойчивого обаяния. Это, согласитесь, и на самом деле интересно.

– Вот-вот. Я вынужден буду в который раз признаться: не знаю. Когда мы снимали «Семнадцать мгновений весны», для меня это была всего лишь очередная, в некотором смысле и проходная роль, не более того. Она стала мне дорога уже много позже, после того как зрители в нашей стране и за рубежом невероятно тепло приняли фильм. Наверное, в Штирлице и есть какой-то секрет. Увы, но мне он неведом.

– Сейчас я скажу банальность, но это же вы своей игрой привнесли в кинообраз некий таинственный ореол. Ну не мог же, согласитесь, тот секрет возникнуть на пустом месте. Может, вы больше, чем в иных случаях, трудились над психологическим рисунком роли или что-то другое предпринимали? Что-то читали, кого-то расспрашивали...

– Ничуть. Работал я как всегда. Меня можно обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии добросовестности. Другой вопрос, что в процессе съемок иной раз возникало какое-то почти ощутимое напряжение от самоотверженной игры партнеров, от художественного антуража мизансцен. Но это я отношу на счет дарований своих коллег по профессии. С таким великим числом великих актеров мне никогда раньше не доводилось сниматься. Сказалась и невероятная творческая щепетильность Тани Лиозновой. Несмотря на то что фильм черно-белый, костюмы все шились с соблюдением мельчайших цветовых оттенков. Скажем, золотые и серебряные галуны для погон немецких генералов вышивались именно золотыми и серебряными нитками. Наверное, надо упомянуть и еще одно немаловажное обстоятельство. В «Семнадцати мгновениях», может быть, впервые в нашем кинематографе враг не изображен ни монстром, ни даже саркастически. А Броневой в роли Мюллера и Шелленберг в исполнении Табакова вообще персонажи симпатичные. Мне говорили, что родные германского разведчика даже благодарили Олега Павловича за честную игру. Раньше такого точно никогда не наблюдалось. Наша идеология, похоже, не понимала простой, казалось бы, истины: унижая, уничижая противника, она тем самым низводила Великую Победу советского народа до уровня ничего не значащей длительной военной стычки. А ведь если серьезно анализировать минувшую самую страшную войну в истории человечества, то придется признать: победить гитлеровскую военную машину, самую мощную, кстати, в те времена, не смогла бы никакая другая армия мира, кроме советской. Равно как и никто в мире не мог переиграть немецкую разведку, кроме нашей.

– Вы бы сыграли еще в фильме подобного рода?

– Нет. Я, наверное, вообще откажусь от любых съемок. Не хочется предавать себя и партнеров, делать что-то недостойное тех персонажей, которые уже сыграны. Не хочется падать. Всеми предыдущими ролями планка поднята слишком высоко. Но куда важнее другое. Пришло новое поколение. У них, молодых, вкус изменился. У меня же пустота одна на душе от этих реклам. Они не мне адресованы.

– Ходят упорные слухи, что «Семнадцать мгновений» будет колоризован – расцвечен.

– Категорически не приемлю этого глупого ребячества. По мне, так все фильмы о минувшей войне должны быть черно-белыми, так как она глубоко трагична. Пусть Голливуд упивается своей клюквой. Нам, заплатившим за Победу столь огромную цену, этого делать не пристало.

– С молодости я занимаюсь изучением устного народного творчества – анекдотов. Поэтому смею утверждать, что Штирлицу тут принадлежит почетная «бронза». Вперед себя он пропустил только чукчей и евреев, но с Василием Ивановичем sporadически тягается. Как вы относитесь к анекдотам о своем персонаже и о себе в том числе?

– Признаться, подобное ранжирование для меня несколько необычно. А отношусь терпимо. Хотя, если честно, удовольствия мало испытываю, слушая одни и те же анекдоты по

много раз. Поневоле взял на вооружение методику Юрия Никулина. Когда спрашивают: «Вы слышали о себе вот такой анекдот?» – отвечаю: «От вас – впервые слышу».

– Говорят, что болгарская ясновидящая Ванга пеняла вам: «Ты почему не купил будильник, как просил тебя Юрий Гагарин?»

– Правда здесь лишь в том, что с группой болгарских коллег по кинематографу я действительно ездил в Петрич. Места там удивительно красивые на стыке трех границ: Болгарии, Греции и Македонии. А дальше – сплошное вранье. Ни о чем я ясновидящую не спрашивал, и мне она ничего не говорила. К тому же с Гагариным я был знаком шапочно. Мы даже обращались друг к другу на «вы».

На этом, к величайшему моему огорчению, наша беседа и закончилась. В кабинет Гусмана вошла дочь Тихонова Анна. Они о чем-то пошептались. Артист извинился и сказал, что как-нибудь в другой раз договорим.

Другого раза, увы, не случилось. Поэтому, наверное, я лишь вскользь в одной из своих книжек упомянул об этой встрече с артистом Тихоновым. Почему-то мне всегда казалось, что если бы нас тогда не прервали, то я бы еще на многие откровения сумел-таки раскрутить Вячеслава Васильевича.

А вот сейчас, взявшись писать о нем книгу, сколько возможно пристально изучив жизненную стезю и творческую биографию выдающегося актера двадцатого века, понимаю, что ничего я не добился бы ни тогда, ни позже. Попробую объяснить, почему так.

Тихонов служил своим искусством Отечеству и народу не на страх, не из корыстных побуждений, а, как и подобает глубоко порядочному человеку, на совесть. В отличие от некоторых коллег по цеху, он никогда не держал фиги в кармане по отношению к общественному строю и властям предержащим. Поэтому так называемую перестройку встретил не просто настороженно, а почти враждебно, не принял ее всеми фибрами своей глубокой души. Идеалы, в которые он верил по-настоящему, а не показушно, оказались растоптанными.

Вдобавок то безвременье напрочь уничтожило театр и кинематограф. Знаковых, полнокровных и масштабных ролей не наблюдалось вовсе. Да и откуда им было взяться, если все вокруг хапали и продавали все, включая Родину. По воспоминаниям дочери Анны, продюсеры и режиссеры наперебой предлагали артисту воплощать на экране проворовавшихся шулеров, разнузданных депутатов, спившихся генералов. Тихонов брезгливо от них отказывался, хотя по тем шальным, шакальным временам мог бы запросто озолотиться. Однако жил он анахоретом-отшельником. Очень скромно, почти аскетически питался. Встречался и общался с крайне ограниченным кругом людей.

За последние полтора десятка лет своей жизни Вячеслав Васильевич принял участие лишь в нескольких картинах. В ленте Никиты Михалкова «Утомленные солнцем» у него случилась почти проходная роль. В 1998 году вышел фильм-гротеск Сергея Урсуляка «Сочинение ко Дню Победы». Там Тихонов в компании Михаила Ульянова и Олега Ефремова сыграл ветерана-фронтовика, шокированного тем, что происходило в новой России, и улетающего с боевыми друзьями за штурвалом на самолете, который неизвестно куда проследовал, где и когда приземлится.

В те же годы артист потрянул стариной, по мнению критиков – весьма удачно, в фильме Дмитрия и Игоря Таланкиных «Бесы» по роману Ф. М. Достоевского, сыграл архиерея на покое Тихона. В 2002 году он по просьбе дочери снялся в триллере своего зятя, режиссера Н. Воронковского «Глазами волка». Последней его киноролью стал «Бог» в фильме Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви».

Судя по всему, ни одна из перечисленных работ – несколько мелких вообще не в счет – не принесла взыскательному творцу ни профессионального, ни человеческого удовлетворения. У Михалкова он снялся как у приятеля и соседа по даче, поддержал амбиции последнего своим

именем. Урсуляк подкупил актера, что называется, горячей, животрепещущей темой. Отец просто не смог отказать дочери. А Рязанов, известно, хоть мертвого уговорит.

По свидетельству Сергея Соловьева, автора чумовой «Ассы», Тихонов решительно осуждал новое время. Он даже отказался вести актерскую мастерскую во ВГИКе! Странное, однако, удивление режиссера. По мне, так поступок Вячеслава Васильевича вполне логичен. Если у тебя на душе нет радости, а ее у прославленного артиста как раз не наблюдалось, то чем же он мог поделиться с молодежью? Он не мог переступить через себя, предать свои идеалы.

Вдобавок Вячеслав Васильевич категорически не принимал массового, повального увлечения СМИ смакованием личной жизни актеров, того, что на Западе с придыханием именуется Private Life. Гусман и Пименов настойчиво предупреждали меня. Мол, задашь ему вопрос про покойного сына и можешь собирать манатки. На этом ваше общение и закончится. Конечно, смерть сына-первенца Володи стала вечно саднящей душевной отцовской раной. Говорят, что Тихонов до самой кончины винил себя в трагической гибели сына, в том, что не сумел уберечь его от наркозависимости, целиком положился на бывшую жену.

Актриса Лариса Лужина утверждает: «Он очень тяжело переживал потерю сына. Так и говорил мне: «Считаю себя виноватым в том, что Володя рано ушел из жизни». Он не мог постоянно заниматься его воспитанием, горестно переживал, что после развода сыну не хватило отцовского пригляда».

Могила Володи на Кунцевском кладбище действительно была единственным местом, куда Тихонов изредка выезжал из своего дачного аскетического жилища.

Вполне закономерно, что на вопрос друзей: «Как дела?» – Вячеслав Васильевич неизменно с грустью отвечал: «Да никак. Доживаю свой век». Это определенно была трагедия актера, но и ее он не намеревался обсуждать с кем бы то ни было.

Его высоконравственная щепетильность и порядочность, о которых здесь уже говорено, как нельзя лучше характеризуются и следующим примером. В 2008 году начал сниматься шестнадцатисерийный художественный телесериал «Исаев» о молодости Штирлица. Сергей Урсуляк – режиссер очень талантливый и серьезный – решил пригласить восьмидесятилетнего Тихонова на роль отца Исаева. Они встретились как добрые знакомцы, действительно симпатизировали друг другу, долго говорили о предстоящем фильме. Под конец режиссер согласился с доводом великого актера. Негоже хотя бы отдаленно, косвенно, исходя из самых лучших творческих побуждений, эксплуатировать хрестоматийную роль Исаева-Штирлица.

«Этот прием не для большого искусства», – сказал Вячеслав Васильевич.

Дорогой мой читатель, кто из актеров современной коммерческой поры был бы способен на подобное потрясающее самоограничение? В этом смысле Тихонов чем-то напоминает мне Григория Перельмана, доказавшего гипотезу Пуанкаре и отказавшегося от награды в миллион долларов за свой научный подвиг.

К слову сказать, незадолго до кончины Тихонов увидел премьеру сериала «Исаев» по телевидению. Она состоялась в октябре 2009 года. Об исполнении роли молодого Исаева актером Даниилом Страховым он сказал, что артист советов не спрашивал, но на него похож, и это приятно.

А через неделю его госпитализировали в ЦКБ, сделали операцию на сосудах. Все прошло штатно, и врачи надеялись на лучшее. Однако у больного отказали почки. Пришлось подключить его к гемодиализу, а затем и к аппарату искусственной вентиляции легких. Как заявил врач-кардиолог А. Леонов: «Свою роль сыграли и одиночество актера, и отсутствие должного ухода за ним. Ведь Вячеслав Васильевич все последние годы жил в полном одиночестве».

4 декабря 2009 года великий актер Тихонов тихо скончался. Состоялось отпевание в храме Христа Спасителя. В Доме кино прошла гражданская панихида. В тот же день его похоронили на Новодевичьем кладбище. Хотя говорят, что он хотел упокоиться на Кунцевском

кладбище, рядом с могилой сына, даже завещание о том написал. Не случилось. Впрочем, к этому мы еще вернемся.

Родом из Павловского Посада

Вячеслав Тихонов родился в Павловском Посаде Московской области. В год его появления на свет городок насчитывал чуть больше двадцати пяти тысяч жителей и славился в основном производством платков, шалей из шерсти, шарфов, хлопковых скатертей, декоративной, церковной, портьерной ткани, репсом, атласом, готовыми шторами.

Сейчас там почти семьдесят тысяч населения. Это один из крупнейших промышленных центров Подмоскovie. Город славится и разветвленной научно-исследовательской структурой. Здесь работают десятки школ, несколько техникумов, Московская финансово-юридическая академия, Российский государственный гуманитарный университет и Российский государственный социальный университет. Среди достопримечательностей Павловского Посада – колокольня Воскресенского собора, Покровско-Васильевский мужской монастырь, храмы Рождества Богородицы, Вознесения Христова на Городке, Святителя Николая в Филимонове и Дом-музей народного артиста СССР Вячеслава Тихонова.

Тут вот что в высшей степени удивительно и одновременно значимо. Этот перечень достопримечательностей дословно списан мной из Википедии. Там они перечислены именно в таком порядке: колокольня, монастырь, три храма, дом-музей великого актера. И все. Между тем в городе есть еще несколько музеев: истории русского платка и шали, историко-художественный, краеведческий, другие культурные объекты. Был даже музей пожарного дела, но его закрыли полтора десятка лет назад.

Однако надо полагать, что люди, готовившие статью для популярного интернет-издания, испытывали твердую убежденность в том, что никакие другие городские достопримечательности не дотягивают до уровня православных строений и Дома-музея Тихонова. Тем более что благодарные горожане готовятся воздвигнуть памятник прославленному земляку. Мемориальная доска на здании бывшей школы № 1, в которой учился актер, давно установлена.

Вы знаете, дорогой мой читатель, я павловопосадских жителей очень даже понимаю. Всяких исторических, краеведческих и разных прочих музеев в городах и весях России хоть пруд пруди. А таких актеров, как Вячеслав Тихонов, во все времена было совсем немного – раз-два и обчелся. Так что для подмосковного города эта фигура, теперь уже историческая, стоит как раз вровень с теми же древними памятниками.

Кто-то упрекнет меня в том, что я, дескать, сравнил лицедея с многовековыми культовыми сооружениями. А еще, чего доброго, сошлется на речения Иоанна Златоуста из его «Трех бесед о Давиде и Сауле»: «Посмотри на самого себя. Каким бываешь ты после возвращения из церкви и каким – после выхода из театра».

Ну что тут сказать? Понять гневное отношение великого богослова к сценическому искусству – «совету нечестивых» – несложно. В его времена люди еще хорошо помнили о физическом уничтожении христиан именно в театрах или, как в Риме, – в Колизее. Театр, насквозь языческий, вообще был враждебным христианской цивилизации. Но с тех пор много воды утекло, и многое в мире изменилось. Появился даже святой мученик, талантливый мимический актер Ардалион. В четвертом веке при императоре Максимиане Галерии он играл человека, который по сценарию должен был отречься от Христа и принести жертву идолам. Ардалион не согласился. Правитель города обрек его на мучительную смерть, а Церковь признала мучеником.

Сегодня православие упорно, настойчиво и небезуспешно ищет компромиссы с искусством, справедливо полагая, что оно, разумеется, в лучших своих проявлениях, способно помочь человеку в поисках Бога, в осмыслении своих грехов и в конечном итоге – его приходу в храм. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых в 2000 году, сказано, что «светская культура способна быть носителем благодати». Там же утвержда-

ется: «Когда художник руководствуется благочестивым намерением и сохраняет верность Господу, то может проповедовать о Христе в любом творческом стиле. Если творчество способствует нравственному и духовному преображению личности, Церковь благословляет ее».

Но когда культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловеческой, превращается в антикультуру, то Церковь, естественно, всячески противостоит ей. Другими словами, кино, театр, музыка – дело изначально опасное своей непредсказуемостью для актерской души. Однако если в основе такой работы лежит идея служения, в ней присутствует высочайшее требование к себе как к христианину и к художнику, то такая работа угодна Богу. Вообще искусство – мощное оружие, которое может быть употреблено как во зло, так и во благо. Главное, чтобы оно не вредило духовной жизни человека, облагораживало его душу. Такое искусство Церковь всегда благословит.

Именно таким искусством всю жизнь занимался великий русский актер Вячеслав Васильевич Тихонов. Член КПСС с 1976 года, он не ходил в храмы, никогда не был замечен осеняющим себя крестным знамением, вообще никогда не высказывался на темы религии и веры, однако трудился на своей ниве как истинный христианин. Далеко ведь не случайно Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в телеграмме с соболезнованиями родным и близким народного артиста СССР Тихонова написал: «Известие о кончине Вячеслава Васильевича было воспринято мною со скорбью. Образы его героев, которые так полюбились нашему народу, всегда отличались мужественностью и человеколюбием, честностью и искренностью. Всю свою жизнь Вячеслав Васильевич верно служил искусству, стойко перенося выпадавшие на его долю испытания. Он явил для новых поколений пример стойкости и достойно прожитой жизни. Призываю всех родных и близких почившего не скорбеть без меры, но молиться о его бессмертной душе, веруя в милость Божию. Вместе с вами возношу и я свои молитвы о упокоении души раба Божия Вячеслава в небесных обителях».

Вот почему, окидывая сейчас мысленным взором биографию и творческий путь моего героя, которыми собираюсь поделиться с читателями, я прихожу к твердому убеждению: актером Тихонов стал исключительно по велению неких высших сил. Откуда у меня такая смелая, если не дерзкая уверенность?

Рискну начать ответ с того, что за долгую жизнь благодаря профессии журналиста мне посчастливилось так или иначе общаться с несколькими сотнями представителей отечественной культуры. Добрая половина из них – советские и русские актеры. Подавляющее большинство, если не поголовно все наши отечественные великие артисты, кто с ранней молодости, а кто еще в детстве и отрочестве уже определенно знали или хотя бы ощущали свою артистическую избранность. Это настолько общая, универсальная их биографическая характеристика, что я даже намереваюсь специально посвятить ей отдельное исследование под условным заглавием «Игрой окрыленные с детства», рассказать о том, как детские мечты разных творцов превращались в действительность.

Как совсем крошечная Люся Гурченко ходила к немецкой части и пела там песни. Причем на немецком языке. Поскольку в кинотеатрах тогда крутились немецкие фильмы, песни из них Люся выучила на слух, не вдаваясь в смысл. Солдаты, скучавшие по дому, были в восторге! Заработанного хватало на прокорм и Люсе, и матери. Так они и прожили почти два года оккупации.

Другая Люся – Зыкина – с двенадцати лет стояла за станком на заводе имени С. Орджоникидзе. После изнурительного трудового дня она бежала в госпиталь и пела для раненых солдат.

«Мамка уходила в поле работать, – это уже воспоминания Валерия Золотухина, – а меня привязывала за здоровую ногу к порогу, чтобы никуда не уполз (другая нога у него усыхала. – М. З.). И я на все село песни пел! Мимо люди проходили: кто молока нальет, кто хлеба кусок

даст – так я уже в четыре-пять лет актерством на пропитание зарабатывал. А ведь это было голодное послевоенное время!»

Тринадцатилетний Алеша Баталов играл с матерью на сцене профессионального Бугульминского драматического театра. «Именно в Бугульме случились события, которые и определили по сегодня мою жизнь. Работа собранной вновь труппы начиналась не на театральной сцене. Театр был открыт позже, его здание не отапливалось, а первые выступления проходили при свете керосиновых ламп. Репетиции же проводились в комнате, где жили мы с мамой. Именно тогда родился новый театральный жанр военных фельетонов, которые пользовались большим успехом. А еще я выступал в госпиталях. В Бугульме были потрясающие врачи. И привозили туда очень много тяжелораненых. Вот они лежали, большинство в окровавленных бинтах. А мы играли им спектакль. Тогда мне впервые пришло понимание великой и глубокой истины: вот они все где-то далеко от Бугульмы воевали, кровь свою проливали, чтобы я, и братья мои, и мама могли жить».

Спустя многие годы тот театр еще при жизни актера будет назван его именем.

«А знаешь, – рассказывал мне Алексей Бурков, – самые сильные мои воспоминания связаны как раз с войной. Помнится моя школа номер одиннадцать в Перми, ставшая госпиталем. Актальный зал заставлен койками. Они же плотными рядами стоят и в коридорах. В вестибюле множество носилок с ранеными. Все они в шинелях. У большинства шинелей нет хлястиков. А я солдатам читаю стихи советских поэтов».

«Я с детства любил читать пьесы и даже разыгрывать их для самого себя, устроив дома примитивнейший такой макет. Ну, конечно, я параллельно ходил в театр. Отец был руководителем цирка, но водил меня по театрам. Театр был его истинной профессией. Я помню свои первые впечатления, когда мне было лет семь, когда я еще не мог понять, о чем идет речь во взрослом театре, но то волнение, которое возникает при открытии занавеса, когда люди вступают в какие-то отношения, как бы тебя не видя, а ты их видишь, потрясало меня».

Это уже воспоминания Сергея Юрского, недавно ушедшего в мир иной.

У меня в запасе сотни таких историй. Но истории Вячеслава Тихонова среди них, увы, нет.

В детстве у него даже мысли не возникало насчет театра или кино. «Мне нравилось ковыряться в машинках. Дед был машинистом – паровозы водил. Отец-механик приглядывал за техникой на ткацкой фабрике. Мне тоже всегда хотелось заниматься чем-то механическим, машинным. В школе мне очень нравились математика и физика. А что такое кино, я и не задумывался никогда. Тем более с родителями этого не обсуждал. Да и что было обсуждать? Кино мне виделось каким-то заоблачным миром. Я даже толком не представлял, как становятся актерами, где этому учат. Когда началась война, в моей школе разместили военный госпиталь. Отец сказал: «Надо обрести профессию, а не на улице болтаться!» – и определил меня, тринадцатилетнего, в ремесленное училище. Чему я несказанно обрадовался. В ремесленном училище я получил специальность токаря и вместе со своими товарищами выполнял фронтные заказы. У Льва Кассиля есть такая повесть «Дорогие мои мальчишки». Там очень многое близко и узнаваемо мною, там очень верно отражена биография моих ровесников. Войну мы переживали коллективно: провожали уходящих на фронт, радовались письмам с передовой. А потом, когда пошли похороны, – горе других становилось нашим общим горем. Мы повзрослели сразу, неожиданно и незаметно для самих себя. Мир, в котором жили взрослые, был нам понятен и близок».

Разумеется, вечерами, после окончания трудной смены, Слава Тихонов бегал с друзьями в ближайший кинотеатр «Вулкан». Как это ни удивительно, однако во время той долгой, страшной и трудной войны снимали кино. Не так активно, как в мирное время, но все равно ежегодно выходило по несколько десятков картин. Снимались фильмы и про войну, и

про любовь, и сказки, и комедии, и литературные произведения экранизировались, и даже рисованные мультфильмы выпускались!

До сих пор то кино, сотворенное под грохот военных канонад, смотрится с неизбывным интересом. Потому что сделано оно было очень хорошо, на совесть. И не потому вовсе, что стране денег некуда было девать, а потому, что нереальный, эфемерный мир с белого квадрата экрана был чрезвычайно нужен людям. И тем, кто воевал, и тем, кто работал в тылу. Для них, испытывавших невероятные, жуткие потрясения и напряжения, кино становилось духовной отдушиной и сердечной отрадой. Помимо всего прочего оно еще и крепило веру народа в Победу. Раз кино снимают и регулярно демонстрируют, значит, все будет хорошо. «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Юноша Тихонов смотрел «Два бойца» с Б. Андреевым и М. Бернесом; «Сердца четырех» с В. Серовой и Е. Самойловым; «Жди меня» с той же Серовой; «Парень из нашего города» с Н. Крючковым и Л. Смирновой, другие картины. Может быть, еще не до конца отдавая себе отчет, он исподволь влюблялся в экранных героев, в сказочный мир, творимый лучом проектора на белом квадрате экрана. Кино его незаметно завораживало и околдовывало. И в какой-то момент – точно определить его он никогда впоследствии даже не пытался – в голове у парня вдруг сверкнула мысль: а что, если самому шагнуть туда, по ту сторону экрана, сняться в таком фильме, чтобы все родные, друзья и знакомцы ахнули. Как, да неужели это наш Слава Тихонов!

Дату такого вот своего озарения Вячеслав Васильевич действительно не вспоминал. А вот переживаемое чувство помнил: «Я тогда устыдился собственных нелепых помыслов. Потому что был ведь не дурак, прекрасно понимал: не с моим свиным рылом соваться в калашный киношный ряд. Мой родной дядя Володя активно участвовал в художественной самодеятельности, играл во многих любительских спектаклях нашего города. Так даже и он всегда с придыханием восхищался популярными в те времена киноактерами: Борисом Бабочкиным, Николаем Черкасовым, Любовью Орловой, Михаилом Жаровым, Петром Алейниковым, Николаем Крючковым. Что уж обо мне было говорить».

Пройдут годы. Вячеслав Тихонов снимется в фильме Станислава Ростюцкого «Дело было в Пенькове». Эта картина будет его восьмой по счету и первой, после которой Тихонов стал столь же известным, узнаваемым актером в Советском Союзе, как и вышеперечисленные кинозвезды. Песню «Огней так много золотых...» на слова Николая Доризо, музыка Кирилла Молчанова, запоем вся страна.

А в ней есть такие слова:

Я от себя любовь таю,
А от него тем более.

Схожие чувства переживал в первые послевоенные годы и Слава Тихонов. Он, горемычный, от себя таил любовь к кино, вспыхнувшую вдруг в его душе. От посторонних – тем более. Потому что был очень щепетильным, робким и стеснительным человеком.

«Я всегда очень стеснялся выходить на школьную сцену. Делал это всегда по большому принуждению. И если вдруг нужно было что-нибудь прочитать или спеть – я боялся этого как огня. В результате никогда и ничего путного у меня не получалось».

Вот два примера, что называется, в строку.

Окончание ремесленного училища товарищи Тихонова решили отметить весьма своеобразно: всем коллективом сделать татуировки на руках. С одной стороны, эта акция как бы свидетельствовала об окончательном взрослении пацанов. С другой – каждый, стиснув зубы от боли, в антисанитарных условиях варварски обнародовал имя своей любимой девушки.

Таковой не оказалось только у Славы Тихонова. Поэтому он вынужден был увековечить на левой руке собственное имя. Боли, грязной иглы, стало быть, не испугался, а вот зазнойбой

не обзавелся. Потому, как всегда, робел перед представительницами противоположного пола. С ранней юности и до глубокой старости робел. Такой, стало быть, парадокс. Человек, по которому томились и грезил миллионы советских женщин, всегда стеснялся первым с ними заговаривать.

В уже упомянутом фильме есть еще одна песня, много лет назад бывшая очень популярной.

От людей на деревне не спрятаться,
Нет секретов в деревне у нас.
Ни сойтись, разойтись, ни сосвататься
В стороне от придирчивых глаз.

Ночью в рощах такая акустика,
Уж такая у нас тишина,
Скажешь слово любимой у кустика —
Речь твоя всей округе слышна.

Но не бойся, тебя не обидим мы,
Не пугайся, земляк, земляка.
Здесь держать можно двери открытыми,
Что надежней любого замка.

За полями, садами, за пасекой
Не уйти от придирчивых глаз.
Тем, кто держит свой камень за пазухой,
Ох, и трудно в деревне у нас.

К тому времени, когда «Дело было в Пенькове» дошло до павловопосадских жителей, большинству из них уже было ведомо, что их земляк Слава Тихонов заделался артистом. Но о том, что он еще и столь замечательно поет, впервые узнали даже очень близкие и знакомые ему люди. Потому как парень никогда и нигде не светился со своим голосом.

Впервые заставил Вячеслава – именно принудил, тот жутко сопротивлялся! – запеть кинорежиссер Станислав Иосифович Росточкий, как раз в фильме «Дело было в Пенькове». С той картины они, к слову, сдружились на всю жизнь. Росточкий снял всего четырнадцать фильмов, включая дипломную работу «Пути-дороги», короткометражку «Зимние этюды» и документальный «Профессия – киноактер». В пяти лучших картинах главные роли исполняет его друг Слава Тихонов.

В «Майских звездах» он поет дуэтом с Михаилом Пуговкиным:

Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.

Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.

А дорога дальше мчится,
Пылится, клубится,
А кругом земля дымится,
Чужая земля.

Сценарий фильма «На семи ветрах» Ростоцкий писал вместе с Александром Галичем и настоял на том, чтобы имя главного героя капитана Суздалева было Вячеслав. Галич удивился подобной просьбе:

«Да какая разница, как мы его назовем?!»

«Разница большая, – хитро щурясь, заметил Станислав Иосифович. – Более того, давай эпизод с исполнением вальса так пропишем, чтобы женщины уговаривали Суздалева петь, а он упорно отказывался».

Галич удивился еще больше и, конечно, согласился.

Ну а дальше вы, читатель, должно быть, помните ту сцену вечеринки в доме Светланы Ивашовой. Офицеры и медсестры танцуют под аккомпанемент на рояле Суздалева. А потом девушки начинают дружно упрашивать его спеть. Капитан отнекивается, сопротивляется до тех пор, пока не подходит Светлана – Лариса Лузина со словами: «Слава, ну спой, пожалуйста!»

Дальше льется обворожительный, совершенно фантастический вальс Кирилла Молчанова на слова Александра Галича:

Сердце, молчи,
В снежной ночи
В поиск опасный
Уходит разведка.

С песней в пути
Легче идти.
Только разведка в пути не поет,
Ты уж прости...

Где-то сквозь снег
Песни и смех.
Здесь лишь гудит
Новогодняя вьюга.

В дальнем краю
Тех, кто в бою,
Вспомни и тихо пропой про себя
Песню свою.

Вот стучу по клавиатуре, а сам как бы мысленно подпеваю Суздалеву – Тихонову. Музыка Кирилла Молчанова вообще моя любимая, а этот «Вальс разведки», сдается мне, является одним из лучших лирических сочинений композитора.

В 1976 году Станислав Ростоцкий приступил к съемкам фильма «Белый Бим Черное ухо» по одноименной повести Г. Троепольского. Об этой работе я еще расскажу подробно. Пока остановлюсь на том, что главного героя – одинокого пенсионера-фронтовика, писателя, увлеченного охотой, изначально, по замыслу режиссера, должен был играть Вячеслав Тихонов. Собственно, под него Ростоцкий с Троепольским и писали сценарий.

Нина Евгеньевна Меньшикова – жена режиссера – рассказывала:

«Станислав Иосифович послал Тихонову сценарий для прочтения. Он очень дорожил мнением друга и всякий раз советовался с ним, даже когда его не снимал. Через некоторое время Слава пришел к нам домой, чтобы возвратить сценарий. И, как сейчас помню, сказал Ростоцкому: «Стас, наверное, это лучшее из того, что ты до сих пор снимал. Я не умею говорить комплиментов и всяких цветистых слов, но спасибо тебе за такую чудную роль. Пожалуй, и для меня она станет лучшей. Но, надеюсь, петь ты нас с Бимом в этой картине не заставишь?»

Он, оказывается, всегда полагал, что поет неважнецки. Во всяком случае, поет хуже, чем играет».

Вот такая, если хотите, читатель, запредельная требовательность к себе наблюдалась у этого великого и мудрого актера.

Музыкальный специалист из меня, разумеется, тоже никудышный. Но голосом каким-никаким владею, потому утверждаю, что Вячеслав Тихонов пел очень даже прилично. Со мной наверняка согласится большая часть моих читателей. Ну а тем, кто думает иначе, я посоветовал бы не лениться и найти на просторах Интернета песню «Иволга» из фильма «Доживем до понедельника» в исполнении Тихонова. Ее потрясающий текст, между прочим, принадлежит великому русскому поэту Николаю Заболоцкому.

Какие простые и великие слова:

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной,
Льются листья с высоких ветвей,
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилье,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.

Ну и так далее.

Какая душевная мелодия того же Кирилла Молчанова! А исполнение!

Другой вопрос, что по музыкальной науке голос Тихонову и в самом деле никто и никогда не ставил. Поэтому артист полагал, что равняться с профессиональными певцами не имеет права. Не берусь утверждать, что именно так оно было в действительности. На эту тему он никогда не высказывался. Однако факты говорят сами за себя.

Помимо четырех фильмов Ростоцкого Вячеслав Тихонов спел под гармонь «Расскажи-ка ты, кукушечка» в фильме «Оптимистическая трагедия». Еще он очень оригинально исполнил «Ой, ты, степь широкая» в многосерийном фильме «Семнадцать мгновений весны». Помните: испек картошку в камине, налил рюмку шнапса и стал мысленно петь. Сразу у него не пошло. А когда Штирлиц все же взял нужную тональность, то исполнил лишь первый куплет величайшего русского народного шедевра на все времена. Дальше идет только мощный баянный

мотив. Тихонов из деликатности своей не стал петь всю песню. И режиссер Татьяна Лиознова с ним согласилась.

Строго говоря, в игре на рояле Вячеслав Васильевич тоже сильно уступал Святославу Теофиловичу Рихтеру. Дитя войны, он не учился в музыкальной школе, тем более в консерватории. Но поскольку был артистом от бога, то и перед камерой играл как заправский пианист. Во всяком случае, никто из зрителей не скажет, что учитель Мельников, играющий в кадре на пианино, выглядит неуклюже или фальшиво.

Однако мы с вами, читатель, слишком далеко забежали наперед в биографии героя. Давайте вернем свой танец к печке, в нашем случае – к наколке. Ибо редко кто из моих собратьев и сестер, писавших о Тихонове, прошел мимо этой диковинной причуды юноши.

Сам Вячеслав Васильевич о ней высказался так:

«И курение сызмальства, и наколки – это все из-за безотцовщины. Отцы наши поголовно все ушли на фронт. Мы – малолетки – остались с матерями одни. Тогда и начали покуривать.

Дыма папиросного я терпеть не мог, но отказаться было нельзя. Как и нельзя было в свое время не сделать наколку: не хочешь – значит, ты нам не ровня, чужак.

В то время взрослые часто ездили на юг за хлебом. Набирали каких-нибудь вещичек, которые можно было обменять на пшеницу, и отправлялись на поезде из нашей средней полосы в южные края. И мальчишки тоже забирались на крышу вагона.

Привозили так называемый турецкий табак – очень крепкий. Помню, попробовал в первый раз – даже слегка подтошнило. Однако пересилил себя и стал курить. Если все ребята вокруг с сигарками ходят – так и я не хуже их. Вот только где табак доставать? Денег же ни у кого не было.

Тогда мы изобрели такой способ: делили улицу на двоих. Каждый шел по своей стороне и собирал чинарики. Набрав гору заплеванных, раскисших под снегом чинариков, шли в наш штаб. Штабом мы называли дом, где жили два брата-сироты. Затапливали русскую печь, расшелушивали все наше богатство на сковородку, сушили табак, а потом крутили сигарки из газет, как сейчас помню, «Правда» и «Красная звезда».

Когда отец вернулся с войны, сразу почувствовал, что от меня пахнет табачком. «Никак покуливаешь, сынок?» – спросил. Ну а что я мог ему ответить? Молчал, потупив голову. Время досталось такое: мальчишескому уставу нужно было соответствовать. Отец на работе целый день, мать тоже. А я сам себе предоставлен. И вокруг меня – такие, как я.

Нет, бывали, конечно, серьезные, «педагогические» разговоры с отцом, но всегда в мягких тонах. И не более чем разговоры. Даже моя татуировка не вывела его из себя.

Воспитывался я в простой рабочей обстановке. Меня всегда окружали дети рабочих. В маленьком ткацком городке, где я рос, отношения между людьми тоже строились просто. Нас не столько школа воспитывала, сколько улица. Мальчишеское братство на свой путь наставляло. Эта наколка и курение – мои пожизненные дань и ясак ему. Во времена моего военного детства все ходили с наколками – так модно было. Хорошо еще, мне хватило ума наколоть только свое имя «Слава». Потом никак не мог от этой опрометчивой надписи избавиться. Так и играл двух князей с наколкой на руке. Со временем научился прятать от глаз людских эти выцветшие пять букв. Но странное дело: никогда не досадовал на них. Как и никогда не устыдился своего босоногого, голодного и холодного военного детства. Всю жизнь оно мне душу греет».

После ремеслухи Слава Тихонов пошел работать слесарем на военный завод. Трудился прилежно, и его как передовика производства руководство предприятия определило на подготовительные курсы Московского автомеханического института. Мать с отцом облегченно вздохнули. На ближайшие годы судьба сына обрела стабильность.

Им пришлось, правда, изрядно поволноваться, когда Слава пренебрег техникой безопасности, непозволительно низко наклонился над обрабатываемой деталью и ему до крови запорошило глаза металлической пылью. Слава богу, доктор сумел тонким магнитом удалить ее.

После операции Тихонов поехал в столицу, чтобы сдать документы в приемную комиссию автомеханического института. В дороге, однако, передумал и направился на киностудию «Мосфильм». Почему-то ему казалось, что именно там должны готовить кадры для кино. Встал в сторонке и принялся наблюдать за людьми, входящими и выходящими с территории. Долго решал, как впоследствии оказалось, почти судьбоносную задачу: к кому тыркнуться за разъяснениями. Наконец ему приглянулся один мужик, по виду артист точно.

«Извините, – обратился он к этому человеку, страшно волнуясь, – вот я хочу в кино сниматься. Куда мне документы надо сдавать?»

Ну и кто мне возразит, скажет, что юношей на ту пору не руководил указующий перст судьбы? Ведь у себя в Павловском Посаде он никому никогда даже словом не обмолвился о заветной мечте, а тут выложил ее первому встречному.

Правда, этот встречный оказался еще в своем роде и провидцем.

Он не посмеялся над растерянным провинциалом, но заговорил с ним участливо, почти заинтересованно:

«А что ты, парень, умеешь делать?»

Слава с ответом не нашелся, пролепетал что-то невнятное, вроде того, что не боги, мол, горшки обжигают.

«Да, брат, не боги, но мастера точно. А мастерству сниматься в кино учат во ВГИКе. Есть такой институт. Москву знаешь? Ну, тогда езжай на трамвае номер тридцать девять до ВДНХ. Справа от нее будет институт. Возле него засохший фонтанчик. Вход с парадного подъезда. Поднимешься на второй этаж, повернешь налево и увидишь на дверях табличку с надписью «Приемная комиссия». Там и сдашь свои документы. Удачи тебе, артист!»

Слава в точности выполнил это указание и поехал домой. Каких только мыслей не передумал за время той дороги. Ведь о своем решении он действительно не сообщил никому на всем белом свете! Сам, словно движимый какой-то неведомой силой, направил свои стопы вовсе не туда, куда его проводили всей семьей – в автомеханический институт, – а в нечто неведомое, пугающее и одновременно притягивающее, словно глубокий зев колодца, именуемое коротким словом «кино».

Впрочем, страшила юношу вовсе даже не реакция родных и близких на собственный дерзновенный поступок. Как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Другая мысль, полная обреченного трагизма, не давала ему покоя.

«Вот, положим, – рассуждал парень, – приняли у меня документы. Никуда бы они не делись, с бумагами у меня порядок полный. Да и оценки в аттестате приличные. Но потом ведь пойдут такие испытания, что с ними мне ни в жизнь не справиться. Вот и выгонят меня с треском. И что тогда? Как возвращаться в городок, где тебя каждая собака знает, и все будут ехидненько так интересоваться: ну что, артист погорелого театра, указали тебе от ворот поворот?»

Все произошло в точности так, как он и предполагал. Дома случился не просто переполох – все выпали в ступор. Какое кино? Какой такой ВГИК?

«Ты в своем уме, сынок? – гневно интересовался отец Василий Романович. – Ведь у нас с тобой обо всем уже трижды говорено-переговорено».

Дядя Володя на полную мощь включил свой «артистический» авторитет:

«Понимаешь, Слава, кино – это такая клоака, что умные люди, да хоть меня возьми, обходят его десятой дорогой. Там надо руками, локтями работать и по трупам шагать. Это не для тебя с твоим робким характером».

Мама, Валентина Вячеславовна, утирая слезы, приговаривала:

«Сынок, тебе надо получить такую профессию, чтобы она и тебя, и твою будущую семью кормила. Не нравится тебе автомеханический институт, иди в Тимирязевскую академию – все же верный кусок хлеба».

«Одним словом, – вспоминал Вячеслав Васильевич, – шум и гам стояли в нашем доме, каких я доселе не слышал. Очень всех задела моя неожиданная строптивость. На шум вышла бабушка – глава нашего дома, очень мудрая женщина и доброты невероятной. Если есть во мне доброта, то она от нее. А если есть строгость – это от деда. Он был машинистом, водил длинные поезда по Нижегородской ветке. Не пил и не курил, был до чрезвычайности строг, но все его любили.

Так вот, вышла моя бабушка, сама доброта, и, обращаясь к домашним, сказала: «Валя, Вася, Володя, вы не запрещайте Славику идти туда, куда он хочет. Он еще молодой и сам не раз сможет свое решение изменить. Но если вы ему сегодня запретите, он всю жизнь будет считать, что вы ему помешали». Произнесла эти мудрые слова и тихо ушла обратно в свою комнату.

После этого я с молчаливого родительского согласия стал готовиться к экзаменам во ВГИК. Почему я тогда проявил столь завидное упорство, даже затрудняюсь это объяснить. Никаких таких дарований особых во мне не замечалось, да и поводов к их выявлению тоже не наблюдалось. Шла тяжелейшая война, и главная задача была в ней выжить.

Откуда же во мне возникла тяга к кино? Полагаю, что все обстояло гораздо проще, чем теперь кажется. И в предвоенные годы, и особенно в период долгой войны мое поколение познавало мир в основном через кинематограф. Через те яркие, запоминающиеся образы, что создавались известными и популярными актерами. Мы и сами не ведали, как исподволь в нас рождались мечты героического плана. Мы почти всегда отождествляли актера с его героями. Бабочкин, Черкасов, Жизнева, Андреев, Чирков, Алейников, Жаров, Бернес, Крючков, Марецкая – все они и были для нас самыми настоящими героями. Они увлекали наше юношеское воображение, становились для нас нравственным примером.

Возможно, что для меня кино более органически, чем у других, вошло в мои детство и юность. А уже впоследствии это как-то преобразовывалось в стремление узнать мир кино изнутри. Уже ощущалась недостаточность пассивного созерцания чужих судеб и страстей. Уже возникало непреодолимое желание самому жить и действовать на экране. Хотя, понятное дело, мне тогда и в голову не могло прийти, сколько потов сойдет с меня до первой роли. А вернее сказать, до первой настоящей роли, до того «момента истины», с которого, по существу, рождается актер».

В самом ВГИКе тоже оправдались самые дурные предчувствия Вячеслава. Да по-иному и быть не могло. Общеобразовательные предметы он сдал хорошо. Однако на втором туре требовалось продемонстрировать хоть какое-то актерское мастерство. А Тихонов, по правде говоря, даже слабо представлял себе, что это такое, с чем его едят, и, разумеется, срезался.

«После второго тура я слетел. До сих пор остро помню ту трагическую ситуацию. Вышла девушка с короткой стрижкой и стала быстро-быстро, скучным, безликим голосом зачитывать фамилии: «такой-то принят», «такой-то не принят». Тихонов – не принят. Легко так произнесла: «Тихонов не принят». А меня как обухом по голове. И все поплыло, рассыпалось. Вот только тогда я понял, как на самом деле сильно мне хотелось поступить именно во ВГИК, как я надеялся, что случится какое-то чудо. Но его не случилось. А для меня все остальное уже было незначительным, второстепенным – так втемяшил себе мысль, что буду актером кино».

Говорят, бог любит троицу.

О третьем чуде, которое свершилось на пути Вячеслава Тихонова к заветной мечте, рассказал в своей книге «Театр и судьба. Воспоминания» Борис Бибииков:

«Слава Тихонов стоял, уткнувшись носом в стенку. Тонкие плечи беззвучно вздрагивали. Как и многие другие, он старался не показать, что плачет. Он плакал от обиды, от горя, от

какой-то безысходности. И тогда я сказал ему: «Успокойся, я возьму тебя. Приходи в сентябре учиться».

Заметьте, читатель: профессор мог ведь спокойно пройти мимо. Абитуриенты на вступительных экзаменах в вуз плачут куда чаще, чем мальчишки и девчонки в детском саду. Но ведь что-то же заставило Бибикова остановиться, разговориться и принять такое судьбоносное решение.

ВГИК: грезы и проза. Наставники

Напомню читателю, что Борис Владимирович Бибиков и есть тот самый актер, который так блестяще сыграл профессора Александра Александровича Соколова в культовом фильме «Приходите завтра». Во ВГИКе он вместе с женой Ольгой Ивановной Пыжовой сорок лет вел актерскую мастерскую. Только они и могли конкурировать с Сергеем Герасимовым и Тamarой Макаровой. Бибиков и Пыжова – ученики Станиславского. А сами они дали путевку в отечественный кинематограф таким выдающимся актерам, как Нонна Мордюкова, Любовь Соколова, Майя Булгакова, Екатерина Савинова, Татьяна Конюхова, Леонид Куравлев, Людмила Гладунко, Марина Лобышева-Ганчук, Борис Токарев, Семен Морозов, Софико Чиаурелли, Надежда Румянцева, Андрей Вертоградов, Тамара Носова, Светлана Дружинина и, конечно же, Вячеслав Тихонов.

Бибиков полагал съемки в кино второстепенным занятием. Поэтому у него нет ни единой главной роли. Он снялся более чем в двух десятках фильмов, но играл всяких эпизодических генералов, профессоров, полковников. Даже самая известная работа в упомянутой картине его ученика Евгения Ташкова «Приходите завтра» – все же роль второго плана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.